

Последние дни секту Мингуан заливали дожди, и, казалось, горные вершины постоянно окутаны тёмными тучами. Лето кончалось, наступала осень. Птица в полёте пронеслась низко над небом, едва задев изогнутый карниз крыши, и опустилась на кончик пальца И Нина.

Сегодня был его первый день после выхода из уединения.

И Нин и раньше не отличался разговорчивостью, а с тех пор как появился тот человек, так и вовсе почти закрылся в себе.

Это была гора Юньцин — вершина, возведённая лично главой секты прямо перед тем, как тот ушёл странствовать по миру. Изначально она предназначалась только для И Нина, но после того, как он взял в ученики Гун Сюсяня, стала обителью для них двоих. А когда друг детства его ученика, Лю Жугэн, поднялся на гору просить о помощи, двое превратились в троих.

Птица сложила крылья и послушно клевала корм с ладони И Нина. Бессмертный тихонько понаблюдал за ней, и как только его сердце немного успокоилось, из зала вновь донёсся звонкий смех Лю Жугэна, словно тот хотел, чтобы его слышали.

— Сюсянь, сегодня праздник фонарей, давай спустимся с горы и купим парочку!

И Нин почувствовал необъяснимое раздражение.

Гун Сюсянь — единственный ученик И Нина и его спутник Дао. И пусть они ещё не связали себя узами брака, но давно подтвердили взаимную привязанность.

Вот только теперь И Нину было неясно, кем они друг другу приходятся.

С появлением Лю Жугэна между ними будто выросла стена. Например, он не знал, что это за праздник такой, не был в курсе историй их детства и не понимал, почему эти двое так оживились.

— Хорошо, тогда я позову учителя с нами, — донёсся голос Гун Сюсяня, нежный и приятный на слух, под стать его обладателю.

Услышав эти слова, И Нин всё же слегка переменился в лице. Его длинные ресницы слабо дрогнули, но взгляд по-прежнему оставался прикован к птице.

Гун Сюсянь вышел из зала. Его широкая и тёплая ладонь опустилась на плечо И Нина.

— Учитель, сегодня праздник, — мягко сказал он. — Давайте вместе спустимся запускать фонарики.

Птица вспорхнула, испуганная его появлением. И Нин опустил взгляд и уже планировал что-то ответить, но не успел и рта раскрыть, как за спиной послышались шаги. Подошедший заговорил с Гун Сюсянем:

— Сюсянь, разве Почтенный бессмертный станет наслаждаться такими мирскими вещами, как праздник фонарей? Не стоит отвлекать его от совершенствования.

И Нин повернул голову, встретившись с парой, казалось бы, чистых и ясных глаз Лю Жугэна, в которых таилась лёгкая улыбка.

— Почтенный бессмертный, мы с Сюсянем принесём для вас самый красивый фонарик. Правда, Сюсянь?

Гун Сюсянь на мгновение задумался. Его учитель никогда раньше не отмечал подобных праздников и лишь совершенствовался изо дня в день. Едва ли ему по душе шум и суета. Потому он кивнул и сказал:

— Верно. Этот ученик был небрежен. Мы с Жугэном сами спустимся с горы, а учитель пусть спокойно совершенствуется.

И Нин приоткрыл губы, но в итоге так ничего и не сказал, лишь кивнул в знак согласия.

Шум он и впрямь не любил, но время от времени даже ему хотелось побыть среди людей.

Лю Жугэн весело защебетал рядом с Гун Сюсянем и принялся рассказывать, как здорово они в детстве запускали фонарики. Тот, судя по всему, тоже увлёкся воспоминаниями и без умолку смеялся над рассказами своего друга детства.

И Нин больше не мог это слушать. На сердце стало так тяжело, что было трудно дышать.

Близилась сумерки. Стоило этим двоим уйти, как гора Юньцин снова погрузилась в холодную тишину. И Нин стоял под карнизом и вдруг поймал себя на желании с кем-нибудь поговорить.

Ему хотелось узнать, что же такое праздник фонарей? С юных лет он жил на горе Юньцин и совершенствовался здесь же, поэтому не разбирался в делах человеческого мира.

Во всей огромной секте Мингуан хоть каждый уважительно и называл его «Почтенным бессмертным», близких знакомых у него не было.

Пожалуй, всё же есть кое-кто, с кем можно поговорить. Он и сам не заметил, как ноги привели его к обрыву на задней горе.

Утёс тот был особенно крут. И только И Нин знал, что в отвесной скале есть пещера, внутри которой им лично были выстроены формации, используемые для заточения демонов.

Он шагнул вперёд и спустился у входа в пещеру. Полы одежды взметнулись, принося с собой запах дождя и тумана, что разбудило спящего внутри формации человека.

Или демона, если точнее.

— Зачем явился?

Пленник был закован в тяжёлые кандалы, а тело источало густой запах крови. Взгляд его тем временем оставался ленивым, почти небрежным, как у зверя, затаившегося в тени и разглядывающего свою добычу. Он пристально следил за И Нином.

Бессмертный шагнул в формацию, встал перед собеседником и молча посмотрел на него.

— Янь Сюань, — наконец произнёс он.

Это было его имя. Янь Сюань давно его не слышал. Сохраняя невозмутимый вид, он неспешно приподнял веки.

— Что?

Обычно И Нин к нему не приходит, разве что укрепить печати и формации.

После этих слов он замолчал. Но ему очень хотелось разузнать о празднике фонарей, и тогда в следующий раз им с Гун Сюсянем будет что обсудить.

— Ты знаешь, что такое праздник фонарей? — спросил И Нин с отсутствующим видом, да ещё так небрежно, будто вопрос сорвался с языка совершенно случайно.

Янь Сюань на мгновение опешил и ответил с некоторым недоумением:

— Почему спрашиваешь?

Может, это новое заклятье, как-то связанное с фонарями? Вечно И Нин выдумывал всё новые и странные способы его помучить.

Услышав такой ответ, И Нин еле слышно вздохнул и развернулся.

— Не знаешь — и ладно.

Он так и думал. Откуда владыке демонов вроде Янь Сюаня вообще знать о таких вещах? Зря только поспешил с выводами.

Увидев, что И Нин собирается уйти, Янь Сюань вдруг сказал:

— В этот день запускают фонари, молятся о благополучии и загадывают желания.

Договорив, он неловко отвёл взгляд от И Нина, в кои-то веки воздерживаясь от колких и язвительных замечаний. Однако бессмертный не заметил выражения его лица.

Молятся о благополучии... И Нин стоял на месте, но мыслями был далеко отсюда. Прошло немало времени, прежде чем он медленно ответил:

— Понимаю, — а затем развернулся и вышел из пещеры.

Он ушёл стремительно, не оставив Янь Сюаню и шанса сказать что-либо ещё. Тот в разочаровании стиснул зубы и яростно забился в оковах, отчего электрическая плеть на цепях мгновенно обуглила его запястья дочерна.

Однажды, однажды... Янь Сюань закрыл глаза.

Гун Сюсянь и Лю Жугэн вернулись необычно поздно. По дороге, неся в руках фонарики, они болтали обо всём на свете: от детства до совершеннолетия, затронули трагедию семьи Гун в те годы, а также поговорили о том, как хорошо сейчас обращается с ним учитель.

Слушая его, Лю Жугэн всё больше мрачнел взглядом, но по-прежнему отвечал мягко и заботливо:

— К счастью, Почтенный бессмертный спас тебя, иначе я действительно не знаю, когда бы увидел тебя вновь.

При упоминании семьи Гун Сюсянь замолчал. В тот год его родителей отравили подлые злодеи, и только ему одному удалось спастись, поскольку он не принял достаточное количество яда, чтобы умереть. Ради мести он посвятил себя совершенствованию, преодолел девятьсот девяносто ступеней к секте Мингуан и едва не погиб на этом пути. Именно тогда его и спас И Нин.

— Не грусти. Теперь я всегда буду рядом и не оставлю тебя одного.

Лю Жугэн украдкой прижался к Гун Сюсяню. Хотя лето ещё не кончилось, ветер уже был прохладным. Тепло их тел смешалось, и даже воздух вокруг, казалось, нагрелся.

Гун Сюсянь был тронут и с нежной улыбкой ответил:

— Жугэн, мы с учителем тоже всегда будем с тобой и больше никому не дадим тебя в обиду.

Лю Жугэн изначально был его личным слугой, но когда Гун Сюсянь ушёл, управляющий дома Гун надругался над юношей, и тому ничего не оставалось, кроме как бежать и просить убежища у своего друга.

На горе Юньцин он пробыл уже полмесяца.

— Спасибо, Сюсянь, — Лю Жугэн намеренно приподнял фонарь, осветив своё миловидное лицо: в уголках глаз дрожали слезинки, а взгляд был полон глубоких чувств.

Гун Сюсянь не почувствовал ничего странного и лишь подумал, что Лю Жугэна действительно жаль. Взглянув на фонарь, он внезапно вспомнил:

— Ах да, мы забыли принести фонарик учителю. Жугэн, возвращайся первым, а я спущусь с горы и куплю ещё один.

Он уже собирался уйти, как Лю Жугэн внезапно потянул его за рукав и предложил:

— Последние дни шли сильные дожди, дороги скользкие, поэтому сейчас лучше не спускаться. У меня есть лишний, можем отдать его твоему учителю. Одна только возможность запускать с тобой фонарики уже меня осчастливила, — слова были полны искренности, и сердце Гун Сюсяня растаяло.

— Ты так внимателен. Благодарю тебя от имени учителя.

Лю Жугэн слабо улыбнулся, ничего не ответив.

Иссиня-чёрный полог накрыл небо, на котором мерцали редкие звёзды, а под ними, точно застывшая в тишине картина, стояла одинокая фигура в бледно-голубом.

И Нин всегда предпочитал этот цвет. Гун Сюсянь сразу заметил у горных ворот своего учителя и поспешил к нему.

— В последнее время погода холодная, почему вы так легко оделись? И как долго ждали? — с беспокойством в голосе спросил он.

Услышав его слова, И Нин смягчился в лице и тихо ответил:

— Недолго.

Всего лишь с наступления сумерек и до сих пор.

— Тогда хорошо, — Гун Сюсянь легко ему поверил. — Ночной рынок кипел жизнью, поэтому Жугэн настоял на том, чтобы остаться ещё ненадолго, вот мы и задержались.

Лю Жугэн тут же соорудил возмущённый вид и, схватив Гун Сюсяня под локоть, принялся шутливо его бить:

— Говори-ка за себя! А кто здесь тоже от души веселился? Кто тащил меня к ларьку с загадками и целый час их разгадывал?

Они непринуждённо подшучивали друг над другом, и Гун Сюсянь не отвергал его прикосновений. Их смех И Нин находил резким и раздражающим.

Ему вдруг захотелось вернуться и отдохнуть.

— К слову, Почтенный бессмертный, мы слишком увлеклись и совсем забыли о фонарике, — нахмурившись, спохватился Лю Жугэн, будто только что об этом вспомнил. — Если вы не против, пожалуйста, примите фонарь, который Сюсянь купил для меня.

И Нин, уже собиравшийся уходить, вдруг остановился и обернулся, чтобы посмотреть на фонарик: ярко-розовая резьба, внутри красная свеча, почти догоревшая.

Действительно красивый. И Нин перевёл взгляд на Гун Сюсяня. Тот, похоже, очень ждал, что учитель примет подарок. Рядом с ним, держа в руках фонарь, стоял Лю Жугэн с едва заметной улыбкой на лице.

— Оставь себе, мне не нравится, — бессмертный и сам не мог дать определение этому странному чувству в своём сердце, но знал, что не хочет его испытывать. Он что, какая-то ревнивая жена? И Нин почувствовал отвращение.

Улыбки двух друзей детства застыли на их лицах. Почувствовав, что учитель не в духе, Гун Сюсянь тут же приблизился.

— Учитель, что-то случилось?

— Всё в порядке, просто устал, — невозмутимо произнёс И Нин. Он не желал признавать, что

свет от этой свечи резал ему глаза не меньше, чем улыбка Лю Жугэна.

Он резко повернулся и ушёл быстрым шагом. На сердце было невероятно мрачно, и сейчас ему не хотелось никого из них видеть. Слишком увлеклись и совсем о нём забыли, да?

Гун Сюсянь застыл на месте, провожая взглядом удаляющуюся спину своего учителя. Лю Жугэн подошёл к нему с опущенной головой и сказал с досадой в голосе:

— Это всё моя вина. Не стоило мне так долго веселиться и вызывать гнев Почтенного бессмертного.

— Ну что ты винишь себя? Это ведь всё я, — нежно утешил его Гун Сюсянь. — Ничего, учитель всегда был добр ко мне. Всё наладится, когда утром я извинюсь перед ним.

Он всегда верил, что они с И Нином не смогут друг без друга.

Лю Жугэн кивнул, скрывая уже готовую вырваться усмешку.

Каким бы могущественным ни был бессмертный, ему не сравниться с маленькими уловками Лю Жугэна. Дождавшись ухода Гун Сюсяня, Лю Жугэн неспешно повесил фонарь прямо перед входом в зал. Ему хотелось, чтобы И Нин каждый день смотрел на него и вспоминал сегодняшние события.

Ночь сгушалась. И Нин сидел в одиночестве, совершенствуясь у обрыва задней горы. Ночной ветер развевал его чёрные волосы. Весь облик был поистине достоин бессмертного небожителя.

Он действительно был красивее и утончённее Лю Жугэна, но не касался мирской суеты и оставался чуждым всему людскому — слишком уж далёкий и холодный. Наверное, ему бы не помешало немного той живости, что была у Лю Жугэна.

Поймав себя на этой мысли, И Нин нахмурился. Он не хотел становиться похожим на кого-то другого.

— Эй, подойди сюда, — услышал он низкий голос, раздавшийся из пещеры под обрывом.